

Женщины без мужчин

1989

Шахрнуш Парсипур

Перевод с фарси: Юлтан Садыкова

12+

Шахрнуш Парсипур
Женщины без мужчин

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Парсипур Ш.

Женщины без мужчин / Ш. Парсипур — «ЛитРес: Самиздат»,
2020

«Женщины без мужчин» – культовый роман иранской писательницы Шахрнуш Парсипур, изданный в 1989 г. в Тегеране и перевернувший немало судеб. Истории нескольких женщин: Махдохт, Фаезэ, Мунэс, Фаррох-Лаги и Заррин-Колах – переплетаются друг с другом, превращаясь в громкий протест против положения женщины в Иране. Книга впервые публикуется на русском языке в переводе Юлтан Садыковой.

Содержание

Предисловие переводчика	5
Махдохт	8
Фаезэ	12
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Шахрнуш Парсипур

Женщины без мужчин

Предисловие переводчика

«Женщины без мужчин» – культовый роман иранской писательницы Шахрнуш Парсипур, впервые опубликованный в 1989 г. и перевернувший немало судеб.

Истории нескольких женщин: Махдохт, Фаезэ, Мунэс, Фаррох-Лаги и Заррин-Колах – переплетаются друг с другом, превращаясь в громкий протест против положения женщины в Иране. Впрочем, жизнь самой Парсипур, отважной, отчаянной и свободолюбивой – сплошной протест.

Она родилась в 1946 г. в Тегеране. В шестнадцать лет начала писать рассказы. Выучилась на социолога. Работала на национальном телевидении в программе о сельских женщинах. В 1974 г. уволилась, выступив против казни иранских поэтов и журналистов, в частности, Хосрова Гольсорхи и Керамата Данешияна. Её первое тюремное заключение продлилось пятьдесят четыре дня.

Второе стало результатом недоразумения: в багажнике машины, в которой она ехала с матерью, при случайном обыске обнаружился чемодан, битком набитый политическими изданиями самой разной направленности. Книги принадлежали брату Шахрнуш – он собирал их из интереса как ценные источники по новейшей истории Ирана.

То был август 1981 г. На этот раз Шахрнуш, уже известная читателям своим романом «Собака и долгая зима», провела в тюрьме четыре года, семь месяцев и семь дней. Много лет спустя она опишет свои злоключения в «Тюремных мемуарах».

Издатели неохотно печатали произведения только что вышедшей из-за решётки писательницы. Роман «Женщины без мужчин» она принесла Мохаммаду Резе Аслани, поэту, кинорежиссёру и основателю знаменитого издательства «Ногрэ».

Аслани вспоминает: «Начало 1989 г. Шахрнуш показала мне свою последнюю работу. Минималистический экспрессионизм, живописность, чистейшая структура, сжатость, реализм на грани магического, очень сильное высказывание голосом женщины. По тем временам мало кто мог себе позволить такую свободу.

Тогда цензура была будь здоров. Вырезались такие слова, как «вино», «поцелуй», «грудь» и прочее. Порой до смешного доходило. Например, «арак» (на фарси не только «водка», но ещё и «пот» – прим. пер.) автоматически заменялось в тексте на «шербет», и в результате словосочетание «бросало в пот» превращалось в «бросало в шербет», а «на лбу пот проступил» в «на лбу шербет проступил». Но роман Шахрнуш мне очень понравился, и я согласился напечатать его. Очень переживал, что он не получит разрешения Министерства культуры и исламской ориентации, в миру – Цензурного комитета. Собственноручно подчёркнув все «опасные» места в тексте, мы вместе с Шахрнуш что-то подправили, где-то перефразировали. Какова же была моя радость, когда спустя месяцы ожидания разрешение нам всё-таки дали! Спасибо тамошнему чиновнику по фамилии Фаррохзад. Он там был как белая ворона: миниатюрный и воспитанный, немного даже знал что-то о литературе. Так вот, этот Фаррохзад сам подошёл ко мне в коридоре и спросил: «Почему вы до сих пор не издали «Женщин без мужчин»? Прекрасный роман, мы даём добро».

Летом 1989 г. мы напечатали первые пять тысяч экземпляров. Меньше чем за месяц весь тираж был раскуплен. Разразился скандал. Появились разгромные статьи в газетах. Успех книги не давал многим покоя. К тому же, к Шахрнуш, успевшей дважды побывать в тюрьме, относились с особенной настороженностью.

Книгу отправили на экспертизу в Кум¹ – невиданное дело, кто там станет романы читать? Мы тем временем напечатали второй тираж: вторые пять тысяч. Он тоже почти полностью ушёл. Правда, вскоре на книжный магазин «Ногрэ» налетели стражи Комитета поощрения добродетели и удержанию от порока (чуждое название), чтобы изъять все оставшиеся экземпляры «Женщин без мужчин». Несколько грозного вида молодцев окружили меня: «Зачем издали эту книгу?» Я их выпроводил. Через три дня за мной приехал «Пейкан» – забирать. Повезли в отделение округа Кейтарие. К моему ужасу, там уже сидела Шахрнуш. Думаю, господа, она же только-только на свободу вышла, что с ней теперь будет?

После допроса нас посадили, там же, почему-то в секторе для наркоманов и наркоторговцев. Сообщили, что на нас поступила жалоба. Мне даже показали ту записку: кто-то корявым, как у второклассника, почерком, вознегодовал, что книга «Женщины без мужчин» противоречит нравственным канонам Ислама.

Ещё через три дня нас погрузили в машину и повезли в суд. Шахрнуш напротив меня, в чадре, чёрная от горя.

Суд – один мулла сидит. Без свидетелей, без адвокатов. «Зачем издали?»

Говорю: «У меня есть разрешение».

А в те годы Министерство культуры и исламской ориентации никаких справок, свидетельств или письменных разрешений на руки не выдавало – чтобы документальных подтверждений существования цензуры в стране не было. Как получалось разрешение? Текст сдавался, через какое-то время издателя вызывали, сообщали ему, что должно быть изменено. Согласно указаниям, текст исправлялся, и, когда, опять же, на словах давали добро, книгу печатали. Затем три экземпляра нужно было сдать в Министерство, и они за эти три экземпляра выдавали некий товарный чек – мол, нами получено столько-то книг такого-то названия, такого-то автора. В культурно-образовательных целях. Этот товарный чек и считался разрешением на распространение книги.

Я и предъявил судье этот чек. Он говорит, это чек на три книги, это не разрешение. То есть притворился, что не знает, как всё устроено или, может, на самом деле понятия не имел – настолько был далёк от книгоиздательского мира. Сказал, того чиновника Фаррохзада тоже задержали, лишили работы.

Между мной и судьёй произошла перепалка.

Судья: «Где его книжный магазин? Закрыть!» – и составил ордер.

В КПЗ мы с Шахрнуш провели порядка двух недель. Потом нас отвезли в тюрьму Каср. На второй суд нас доставили в грузовике для перевозки мяса.

Я ждал смертного приговора – тогда это было общим местом, то и дело доходили слухи о пропавших без вести писателях, журналистах, издателях. В том же году началась пора печально известных цепных убийств².

В тюрьме я провёл около месяца. Первые пять дней голодал, потому что заключённым выносили один на всех таз плова и есть нужно было без приборов, зачерпывая руками. Я не мог себя заставить. Потом кто-то из надзирателей сжалился и принёс мне тарелку с щербатыми краями.

Неожиданно по телевидению объявили о конце ирано-иракской войны³. Ирану было важно завоевать уважение перед мировым сообществом. Многих деятелей культуры, сидящих за решёткой, освободили.

---

¹ Кум – иранский Ватикан. Священный для шиитов город, столица округа Кум, где воспитываются мусульманские богословы.

² «Цепные убийства» (1988–1998 гг.) – серия убийств иранских диссидентов, политических активистов, журналистов, литераторов и учёных (более 80 человек, ликвидированных самыми разными способами).

³ Восьмилетняя война, продолжавшаяся с 22 сентября 1980 г. по 20 августа 1988 г.

Шахрнуш, однако, опять не повезло. На выходе из тюрьмы она повздорила с охранницей, которая её обыскивала (у Шахрнуш при себе были обнаружены записи, черновики, и та дама порвала их). Шахрнуш вернули в камеру, и она провела там ещё полгода, отчаянно демонстрируя, как можно быть свободной в несвободе. Она молилась на фарси, а не на арабском, к тому же, без чадры и не покрыв голову платком, повернувшись не в сторону киблы, а в любую сторону, заявляя, что её кибла всюду. Из-за таких причуд ей не раз прибавляли срок.

Всё это время мы с нашими общими друзьями бились над тем, чтобы организовать для неё освобождение под залог, а сами при этом ничего за душой не имели. В конце концов, Шахрнуш вышла – один из её родных заложил свой дом. Знаю, что очень скоро она вернулась в тюрьму, желая снять этот залог с имущества родственника, к тому же, залог не давал ей права свободно передвигаться. Вышла она в очень плохом состоянии и сделала всё, чтобы уехать из страны. «Женщины без мужчин» – последняя книга, изданная Шахрнуш на родине.

Спустя пару месяцев в издательство «Ногрэ» (там же находился книжный магазин) бросили самодельную бомбу. Вспыхнул пожар. Тысячи книг, оборудование, документы – всё сгорело. Мы разом лишились всего, оказались в долгах, с которыми полжизни расплачивались. Издательство «Ногрэ» прекратило своё существование».

В настоящее время Шахрнуш Парсипур проживает в Калифорнии и продолжает писать романы, рассказы, критические статьи, проводит лекции и мастер-классы и участвует в международных конференциях.

В мае 2010 г. она была удостоена степени почётного профессора Брауновского университета (Провиденс, штат Род-Айленд).

В июле 2010 г. получила итальянскую литературную премию Premio Feronia.

В 2010 г. по всему миру прошли показы кинофильма «Женщины без мужчин», снятого по мотивам романа Парсипур известным иранским фотографом и художницей Ширин Нешат. Эта картина, годом ранее завоевавшая Серебряного медведя Берлинале за лучшую режиссуру, является, скорее, плодом вольного полёта фантазии Нешат, нежели данью книге. Любопытно, что в одном из эпизодов – в роли хозяйки публичного дома – снялась сама Шахрнуш Парсипур.

Наиболее известные произведения автора:

«Собака и долгая зима» (повесть). Тегеран: Амир Кабир, 1976.

«Хрустальные подвески» (сборник рассказов). Тегеран: Раз, 1977.

«Вольные опыты» (новелла). Тегеран: Амир Кабир, 1978.

«Тоба и смысл ночи» (роман). Тегеран: Эспарак, 1988.

«Женщины без мужчин» (роман). Тегеран: Ногрэ, 1989.

«Правила чаепития в присутствии волка» (рассказы, эссе, лекции). Лос-Анджелес: Tasvir, 1993.

«Голубой разум» (роман). Стокгольм: Varan, 1994.

«Тюремные мемуары». Стокгольм: Varan, 1996.

«Маленькие да простенькие приключения души дерева» (роман). Стокгольм: Varan, 1999.

«Шива» (повесть). Стокгольм: Varan, 1999.

«На крыльях ветра» (роман). Стокгольм: Varan, 2002.

«Асие меж двух миров» (роман). Лос-Анджелес: Sayeh, 2009.

«Немного весны» (роман) Стокгольм: Varan, 2019.

Посвящается Наргес Шаестэ

Махдохт

Сад, зелёный-зелёный, обнесённый глинобитными стенами, был раскинут на берегу реки, спиной к деревне, и с одной стороны стены у него не было – река ограждала. В саду росли вишни, черешни. В глубине стоял дом, полудеревенский-полугородской, с тремя комнатами и видом на пруд, затянутый ряской и полный лягушек. Вокруг пруда был насыпан гравий и росло несколько ив. Отражение ив дрожало в воде, и после полудня тёмная зелень пруда вступала в молчаливую схватку со светлой зеленью ив, и это всегда страшно печалило Махдохт, потому что она не выносила ни малейшие распри, была очень простая, ей хотелось, чтобы все дружили, чтобы даже вся зелень мира между собой дружила.

«Зелёный, конечно, спокойный цвет, но, всё же...»

В тени одного из деревьев, погрузившись двумя ножками в ножную раковину с краю пруда, стояла кушетка, и всегда была вероятность, что кушетка поскользнётся на водорослях и уйдёт в пруд целиком. Махдохт садилась на эту кушетку и смотрела на схватку воды и деревьев и на голубизну неба, что после полудня сильнее, чем в любое другое время, навязывалась этому зелёному скопищу и казалась Махдохт судьёй-создателем.

Если зимой Махдохт вязала, если надумывала пойти учить французский или отправиться в туристическую поездку по миру – всё оттого, что зимой в холод дышишь здоровым воздухом, а то ведь летом всему конец. Летом сплошь копоть, пыль, машинные и человеческие отходы. И печаль больших оконных стёкол, бессильных перед палящим солнцем.

«Проклятые! Почему никак не поймут? Такие окна для этой страны не пригодны!»

Так она думала, и горевала, и вынужденно принимала приглашение старшего брата – Хушангхана, и нехотя приезжала сюда, в загородный дом, и терпела гвалт детей, которые кричали весь день и обедали вишни и каждую ночь поносили и залечивались простоквашей.

– Это деревенская простокваша.

– Да, отличная.

И было детям всегда холодно, и были они бледные, хоть и ели больше, чем возможно в их возрасте, – как выражалась их мать, «каждый в три горла».

Когда Махдохт работала учительницей, господин Эхтешами говорил: «Госпожа Пархайи, будьте добры, положите тетрадь вон туда... Госпожа Пархайи, позвоните... Госпожа Пархайи, скажите вы что-нибудь этой Сагре, не понимаю, о чём она толкует». Так было первое время. Господину Эхтешами нравилось, что Махдохт завуч, а он сам директор. А что, неплохо было. Но однажды господин Эхтешами вдруг произнёс: «Госпожа Пархайи, не хотели бы вы пойти сегодня вечером в кино? Хороший фильм показывают».

Махдохт побледнела тогда. Не знала, как ответить на это оскорбление. О чём подумал этот нахал? За кого её принял? Что ему, вообще, надо? Теперь она понимала, почему, когда господин Эхтешами разговаривал с ней, остальные учительницы прятали улыбки. Значит, они чего-то там думали. Да кто они такие, чтобы что-то думать?! Сейчас Махдохт всем им покажет, кто она на самом деле!

Махдохт больше не пошла в школу. Но на следующий год, когда услышала, что господин Эхтешами женился на учительнице истории и географии, почувствовала, как сжимается её грудная клетка. Грудную клетку стиснуло так, что на мгновение Махдохт показалось, что сердце вот-вот выскочит из груди.

«Моя беда в том, что отец слишком большое состояние оставил...»

Так и было. На следующий год Махдохт всю зиму вязала. Для двух первенцев Хушангхана, которые тогда только-только научились ходить. Прошло десять лет, и она вязала уже для пятерых детей. «Непонятно, чего они плодят и плодят».

Хушангхан говорил: «Ничего поделать не могу, люблю детей».

«Что тут поделаешь, и вправду, что он может сделать?»

Недавно Махдохт видела фильм с Джули Эндрюс. Там у Джули был жених-австриец, с семью детьми, которых он свистком гонял туда-сюда. А под конец он женился на Джули. Правда, Джули вначале думала вернуться в монастырь, но потом всё же решила выйти замуж за австрийца, потому что сама уже была на сносях его восьмым ребёнком и это был лучший выход из положения, к тому же, немцы уже подступали и всё наложилось одно на другое.

«Я прямо как Джули».

Махдохт была права. Она была прямо как Джули. Могла вылить ручьи слёз при виде муравья со сломанной лапкой, а ещё накормила уже четырёх голодных дворняг, а своё новое пальто подарила школьной уборщице. И раза три уже ходила в детдом, ещё когда была учительницей и они со школой посещали социальные учреждения, – и каждый раз приносила детям несколько килограмм сладостей.

«Какие славные дети...»

Она была бы не против стать мамой кому-то из сирот. Что в этом плохого? Всегда ходили бы в чистом и никогда бы сопли не висели на губах, а туалет не называли бы «толчком».

«Что же с ними потом станет?»

Вопрос был сложный. Даже правительство время от времени по радио и телевизору говорило, что нужно что-то с этим делать.

Правительство и Махдохт – оба беспокоились о детях. А что, если бы у Махдохт была тысяча рук и она вязала бы по пятьсот свитеров в неделю?

«Двумя руками – один свитер, тысячей рук – пятьсот штук».

Только вот не могло быть у человека тысячи рук, особенно у Махдохт, которая любила зиму и после обеда выходила прогуляться пешком. Если бы приходилось каждый раз надевать тысячу перчаток, это же по меньшей мере пять часов занимало бы.

«А вот и нет, пятьюстами рук возьмём пятьсот пар перчаток и наденем на другие пятьсот рук. Ровно три минуты или даже меньше».

Это не проблема. В конце концов, решаемо. Пусть чёртово правительство само открывает фабрики по вязанию свитеров.

Махдохт болтала ногами в пруду.

В первый день, оказавшись в этом саду, она пошла к реке, погрузила ноги в воду, и ледяная, морозная вода ударила её по суставам. Пришлось немедленно выйти. Могла простудиться. Надев туфли, она направилась к теплице. Дверь теплицы была открыта, и духота внутри показала Махдохт жарче самого лета. Когда-то, несколько лет назад, господин Эхтешами сказал ей, что нет ничего лучше, чем дышать днём пропаренным воздухом теплицы, потому что растения в это время вырабатывают кислород. Хотя в тот день в теплице не было ни единого цветка – их все перенесли в сад.

Махдохт продвигалась вперёд по узенькой дорожке посреди теплицы и смотрела на запylённые стёкла. Как вдруг: возня и шумное дыхание, что-то раскалённое, жаркое, обжигающее и запах тела. Сердце Махдохт перестало биться. В глубине теплицы служанка Фати пятнадцати лет от роду, как настоящая потаскуха, с садовником Ядоллой с его лысой головой и трахомными глазами, которого один раз с головы до ног оглядишь – отмаливаться надо... И вот так: пыхтят, пыхтят, пыхтят... В глазах Махдохт потемнело, и ноги её задрожали. Она невольно схватилась за край цветочной подставки. Но не могла отвести взгляда от тех двоих. Смотрела и смотрела, пока они не заметили её. Мужчина взвизгнул. Хотел высвободиться – не мог. Не в себе, принялся колотить девчонку. Взгляд девчонки и рука садовника, протянувшаяся к Махдохт... Махдохт бросилась вон. Не знала, что делать. Ноги несли её к пруду. Её тошнило. Она невольно вымыла руки и опустилась на край кушетки.

«Что мне делать?»

Подумала, пойдёт расскажет всё Хушангхану и его жене. Девочку, как-никак, поручили им.

«Девочке всего пятнадцать, а тут такое...»

Хушангхан непременно избьёт Фати. А потом её выгонят. И конечно, Фати убьют её братья.

«Что мне делать?»

Махдохт подумала, что сейчас же соберёт чемодан и – в путь. Вернётся в Тегеран, это, во всяком случае, лучше, чем жить в страхе.

«Ну?»

Не зная, что делать, она в испуге обернулась. Девчонка, с чадрой наизнанку, шла в её сторону, волоча ноги. Лицо исцарапанное, красное. Говорит:

– Хозяйка, милая...

И упала к ногам Махдохт.

«Воет как собака».

– Поди прочь, мерзавка.

– Нет-нет, хозяйка, дорогая, милая... Дорогая, родная моя...

– Замолчи и дай пройти.

– Я всё, что хочешь, для тебя сделаю, только маме не говори, она же убьёт меня...

– А кто собирается говорить твоей маме?

– Клянусь, он придёт свататься, завтра же придёт и моему отцу скажет!

Махдохт пришлось дать обещание молчать, только чтобы Фати отцепилась. Когда её ног касались руки девчонки, Махдохт всю выворачивало. Фати, похожая на истоптанную тряпку, вернулась в дом, и Махдохт глубоко вздохнула. Ей хотелось плакать.

С того случая прошло три месяца. Лето на днях подходило к концу. Пора была возвращаться в город, и никто до сих пор не знал, почему садовник Ядолла вдруг взял и исчез.

«Странное дело, он сам много раз говорил, что никогда не уйдёт...» – удивлялся Хушангхан.

Нужен был новый смотритель, чтобы за зиму дом не растащили на кирпичи. А то ведь любой мог сколотить четыре кушетки на берегу реки и по пятницам сдавать за тридцать туманов всяким гулякам. Так рассуждал Хушангхан, и все были с ним согласны.

Вдруг из глубины сада раздался хохот девчонки. Она увела детей играть, и было неизвестно, чему их там учит. Махдохт нервно ходила по своей комнате, стуча кулаками по стенам и двери. Переживала за детей.

«Вот бы девка оказалась беременной, чтоб убили её».

Хорошо было бы, если бы Фати забеременела. Все братья разом накинулись бы на неё и лупили, лупили бы, пока не помрёт под их руками и ногами. Как бы было хорошо. Детей бы никто не возвращал.

«Моя девственность как дерево», – вдруг подумала Махдохт.

Ей нужно было срочно посмотреться в зеркало. Нужно было увидеть в зеркале своё лицо.

«Может, я поэтому зелёная».

У неё было смуглое зеленоватое лицо, отливающее ещё и желтизной. Под глазами испещрено морщинами, а на лбу вздутая жила, которую ничем не скрыть.

Господин Эхтешами когда-то сказал:

– Такая вы холодная, прямо лёд.

Она подумала:

«Не лёд. Я дерево».

Она могла себя посеять в землю.

«Но ведь я не семя, я дерево. Нужно посадить себя, как черенок».

Как поделиться этим с Хушангханом? Махдохт хотела сказать: «Брат, милый, сядем поговорим как друзья. Ты же знаешь, что свитера теперь вяжут фабрики...»

Но если бы она сказала это, должна была бы и про тысячу рук объяснить. Объяснить было невозможно. Хушангхан вряд ли бы всё это понял. Как ей было сказать, что во времена, когда тысячи фабрик вяжут свитера, не к чему было растить из Махдохт вязальщицу и выбирать для неё такое предназначение?

Что ж, выхода не было. Махдохт задумала остаться в загородном доме и в начале зимы посадить себя в саду. У садовников бы только спросить, когда лучше сажать черенки. Она сама-то не знала, да и не важно. Она останется и посадит себя. Может, станет деревом. Ей хотелось бы расти возле реки, с листьями зеленее ряски, и сражаться с прудом, изо всех сил. Если бы она стала деревом, если бы стала, распустила бы почки. Была бы вся усыпана почками. Почки бы пускала по ветру, и стал бы сад полон Махдохт. Махдохт бы росла. Ветвилась бы тысячью ветвями. Со всем светом бы сладилась, и по всему миру были бы деревья Махдохт. Американцы покупали бы её черенки и везли бы в Калифорнию или места похолоднее. Разросся бы лес Махдохт, хотя американцы наверняка бы говорили «Махдкат». И столько бы её имя проносили, что она в конце концов там превратилась бы в «мэдук» или «мадук». И тогда, через четыреста лет, языковеды бы спорили о ней и с пеной у рта доказывали бы, что эти два слова на самом деле одно и в основе их корень «мадик» африканского происхождения. И тогда биологи бы протестовали, уверяя, что дерево холодных широт не может расти в Африке.

Махдохт билась головой об стену, билась и билась, пока не разрыдалась. Между горестных всхлипов подумала: в нынешнем году она непременно купит тур в Африку. Поедет в Африку, чтобы вырасти там. Она всем сердцем хотела быть деревом жарких широт. Всем сердцем хотела – а кто по велению сердца пойдёт, безумие познает.

Фаезэ

В четыре часа вечера 16 августа 1953 года Фаезэ после долгих дней сомнений и раздумий приняла решение. Молчать уже было бессмысленно. Если бы она и дальше ждала, всё могло накрыться медным тазом. Она должна была пойти и отстоять своё право. Однако, несмотря на всю силу, проснувшуюся внутри, Фаезэ понадобился целый час, чтобы одеться.

Она медленно натянула чулки. Сняла домашнее платье и надела летнюю блузку и хлопковую юбку и всё это время нет-нет да и подумывала: вдруг там будет Амирхан? А мысль о том, что там будет Амирхан, обдавало всё её тело жаром. Если там будет Амирхан, она, конечно же, не сможет спокойно сказать, что хотела. Вообще не сможет говорить. Ей придётся снова всё затаить в сердце, снова мучиться. Потому что всякий раз, когда она хотела выговориться, что-то случалось, и за этим неизменно следовали сомненья и раздумья о сказанном и несказанном.

Перед зеркалом, припудриваясь, она сказала себе: «Я старею». Шёл двадцать восьмой год её жизни. Двадцать восемь лет и два месяца. Старой, конечно, она не была, была, скорее, измождённая.

Фаезэ надела туфли. Взяв сумку, устремилась вниз по ступеням.

Мать сидела во дворе на кушетке и смотрела на пруд. Стук каблучков Фаезэ заставил её отвлечься. Она спросила:

– Идёшь куда-то?

– Да.

– Не ходила бы, дочка, по всем улицам народ бушует.

У соседей было включено радио, и его шум доносился во дворе. Фаезэ замялась. Мать была права. Мать вздохнула:

– Чадру хотя бы накинь.

Фаезэ молча вернулась в дом. Из-под сложенной одежды выудила чёрную чадру, которую надевала в траур, и, глядя в зеркало, накинула её на голову. Тяжёлые складки шёлкового джерси превратили её в нечто наподобие неправильного куба, на который следует смотреть только с одного бока. Если Амирхан там будет, обязательно её высмеет. Фаезэ нравилось, когда Амирхан её высмеивал, но не по таким поводам. Одно дело, когда высмеивает за то, что она замуж не выходит. Но если из-за чёрной чадры – это хуже некуда. Вдруг Фаезэ расплачется? Нехорошо будет плакать перед Амирханом. Фаезэ подумала, будь что будет, выхода нет. Она снова спустилась по лестнице, на этот раз в чадре.

Мать больше ничего не говорила. Она уже давно не командовала.

Фаезэ вышла из дома. Жили они в узком переулке. Рёв толпы доносился издали, но, к счастью, здесь была не главная улица, к тому же, очень быстро подвернулось такси. Фаезэ села в машину. Сказала:

– На улицу Сазавар.

Водитель посмотрел на неё в зеркало заднего вида. Такси тронулось.

«Не боитесь? – спросил таксист. – Везде беспорядки».

– Ничего не поделаешь.

– Придётся сделать небольшой круг. Я по главной не могу. Опасно.

– Ничего.

Таксист ехал боковыми улицами. На каком-то из перекрёстков дорогу им ненадолго перекрыли. Кто-то стоял посреди мостовой и руками подавал знак остановиться. Несколько машин выстроились друг за другом. Потом этот мужчина с мостовой неожиданно перескочил на тротуар. Чуть ли не побежал. Кто-то гнался за ним. Мужчина свернул в переулок и больше не появился. Машины поспешно тронулись с места. Какой-то незнакомец вскочил сзади на такси Фаезэ. В руках у него был нож, и он стучал этим ножом по заднему стеклу. Фаезэ не смотрела

на него. Согнулась, уткнула лицо в колени. Вдруг пожалела о том, что вышла из дома. Водитель резко затормозил. Фаезэ ударила головой о переднее сиденье. Водитель со всей силы нажал на педаль газа, и Фаезэ отбросило назад. Незнакомца на багажнике швырнуло на мостовую.

Водитель выпалил: «Говорил же, опасно. Вас довезу – и больше никаких пассажиров на сегодня!»

Фаезэ не ответила.

«Собака, чёрт бы побрал твоё любопытство! Несчастный! Сто раз тебе мать говорила, Мостафа, не выходи из дому!» – продолжал водитель.

Фаезэ не ответила. Ей было неприятно, как мужчина таращится на неё всю дорогу в зеркало. Ей хотелось поскорее выйти.

Наконец они доехали. Фаезэ положила таксисту в ладонь двухтуманную купюру. От прикосновения его руки ей стало так противно, что она не стала дожидаться сдачи. Открыв дверь машины, выскочила. Нужный дом был недалеко. Здесь тоже доносились крики и шум, по-прежнему издали. Фаезэ позвонила в дверь и две мучительные минуты угощалась ожиданием, как ядом.

Дверь открыла Алие, служанка. Как будто только со сна.

«До сих пор спала? Ну ты, матушка, даёшь!» – пожурила её Фаезэ.

Алие поздоровалась и отступила назад, пропуская гостью.

Фаезэ спросила:

– Мунэс-ханум дома?

– Дома.

– Где?

– В гостиной, наверное.

Фаезэ пошла в гостиную. Делая первый шаг, про себя сказала: «Он дома». Делая второй шаг, сказала: «Его дома нет», – и так поочерёдно говорила, пока не подошла к двери. То был пятый шаг. Она сказала: «Дома», – и открыла дверь. Мунэс сидела одна возле радио и внимательно слушала. Амирхана не было. Фаезэ подумала, может быть, он наверху спит. Поздоровалась:

– Салам!

Лицо Мунэс будто расцвело.

– Глазам своим не верю! Как поживаешь, ханум? Ну ты, конечно, молодец, сто лет тебя не видели!

С этими словами, Мунэс потихоньку поднялась с места и убавила громкость радио.

«Кто бы говорил, ханум. Это от тебя ни ответа ни привета. Молодец – не то слово!» – ответила Фаезэ.

Женщины расцеловались и, обмениваясь дежурными любезностями и неразборчиво щебеча, сели друг рядом с другом у радио. Фаезэ спросила:

– Ты одна?

– Да, милая, одна. Родители в Мешхеде.

– Да ты что? Почему же ты мне не сказала?

– Да вот два дня назад только уехали.

– Ну и ну! А... Амирхан чем занят?

– Его нет дома, на работе он.

– Батюшки, в такое-то время? Когда повсюду толпы...

– Ну, он когда выходит из дома, говорит, что на работу... А так, мне откуда знать.

– Подумать только!

– Подумать только! Кто знал, что сегодня такая красота к нам заглянет!

– Ну что ты, зачем ты льстишь мне...

– Где же тут лесть? Чай будешь?

– Спасибо, с удовольствием, если тебе не затруднительно.

Мунэс поднялась с места, чтобы принести чая, и Фаезэ тем временем выключила радио. Радио могло помешать им говорить. Слишком долго она сомневалась и раздумывала – дольше, чем было допустимо. Вскоре Мунэс вернулась и молча села напротив подруги.

Фаезэ где-то читала, что, если у человека круглое лицо, значит, он родился дураком. Впервые прочитав это, она молнией метнулась к зеркалу и посмотрела на себя. Она знала, что её лицо не круглое. Ей много раз говорили, что она из лошадинолицых. Говорила это в основном её мать, со своей жалящей интонацией, которая потом годами царапает человеку сердце. Но тогда Фаезэ всё равно побежала к зеркалу, чтобы убедиться в том, что к дуракам не имеет никакого отношения. С тех пор она привыкла оценивать всем лица. У Амирхана лицо было четырёхугольное, с очень сильным квадратным подбородком. Но Мунэс уродилась круглолицей. С лицом круглым-круглым, как полная луна, соперничающая немножко с куриным яйцом.

Вот уже десять лет Фаезэ считала Мунэс дурой, хоть та и была старше неё как минимум на десять лет. Но они по-прежнему были подругами, потому что, невзирая на злополучный изъян, в Мунэс была своя притягательность и дружить она умела. К тому же, очень скоро вырисовалась ещё одна причина: Амирхан. Теперь, если Фаезэ виделась с Мунэс, это было как из-за самой Мунэс, так и из-за Амирхана. «Если бы лицо Мунэс было хоть немножко продолговатым, до неё бы уже давно дошло устроить мою с Амирханом свадьбу», – часто думала Фаезэ. Много раз Фаезэ сокрушалась: «Несчастливая, ну почему её лицо такое круглое?»

Алие внесла в гостиную поднос с угощениями. Подруги пили чай, и Мунэс время от времени поглядывала на радио. Хоть она и была старше Фаезэ и находилась у себя дома, включить радио не решалась.

«На улицах шумят?» – спросила она подругу.

– Не то слово! Столпотворение.

– Амирхан велел мне не выходить из дома. Сказал, там головы рубят.

– Да, он верно сказал. Какой-то тип даже запрыгнул на моё такси.

Фаезэ подумала, что не надо уводить разговор в никуда. Спросила:

– Ты с Парвин не виделась?

– Нет, уже месяц как.

– А почему?

– В последний раз у неё ребёнок болел. Сказала, краснуха. Лучше никому не приходиться, чтобы потом не разносить повсюду заразу.

– Ну и хорошо тогда, что не встречалась с ней.

Мунэс посмотрела на Фаезэ исподлобья. Фаезэ ждала её слова, чтобы произнести следующую фразу, но та старая дева молча смотрела на цветы на ковре. Фаезэ пришлось снова начать самой:

– Я в жизни своей такого бесстыжего человека, как Парвин, не встречала.

На этот раз Мунэс на неё посмотрела. Глаза её были полны удивления.

– Почему?

Её «почему» прозвучало очень невинно. Фаезэ подумала, господи, что же оно такое круглое-то, лицо твоё. Сказала:

– Она низкая, подлая. Ужасно, когда человек такое понимает после десяти-пятнадцати лет дружбы. Однако же эта ханум порядочно обнаглела. Стыд забыла, достоинство растоптала. Теперь на любую подлость готова.

Глаза Мунэс наполнились ужасом.

– А что Парвин собирается сделать? Хочет развестись? – спросила она.

– Ух, нет, нет! Несчастливая! Только этого не хватало: чтоб развестись надумала. Мерзавка. Брата жалко, такой мегере достался.

Мунэс смущённо поджала губы. Ей стало любопытно. Она копалась в мыслях, пытаюсь понять, почему Парвин бесстыжая. Ничего не придумала. Ту женщину она чаще встречала у Фаезэ дома. На праздничных ужинах, в траур, в пост. Относились они друг к другу с простым дружелюбием, и Мунэс ничего плохого в Парвин не видела.

Мунэс смотрела на Фаезэ. Ждала, пока та расскажет, в чём Парвин провинилась. А у Фаезэ, пока она вот так сидела, глядя на подругу в ответ, вдруг покраснели глаза и полились слёзы. Отражение слёз Фаезэ сверкнуло в глазах Мунэс, и Мунэс тоже расплакалась. Всегда так было. Кто бы ни плакал, у Мунэс слёзы подступали к горлу. Она сама не знала, почему так происходит. Разжав губы, сморщенные в плаче, она сказала:

– Не плачь, ради Бога, не плачь. Что, в конце концов, случилось?

Фаезэ пыталась найти носовой платок и не находила. В итоге вытерла глаза уголком чадры, распростёртой вокруг неё, и как затараторит:

– Знаешь, сколько я добра ей сделала? Думаешь, если бы не я, могла бы она стать такой счастливой? Только недавно, в прошлом году, брат учинил ссору. Она сама же была виновата. Глупая баба собрала котомки и ушла к своей мамаше. Где это видано, чтобы достойная женщина такие фокусы вытворяла? Думаешь, кто их помирил тогда? Бедная я. Такой им ужин закатали, что до сих пор весь город о нём вспоминает, пальцы облизывает. Пошла в лавке Мирханда мяса купила. Два тумана сверху дала, чтоб мне лучшие куски отобрали. Баклажанную подливку сделала. Рисовую запеканку с ягнёнком. Кебаб из цыплёнка. А какой кебаб получился! Замочила его в лимонном соке и мяте, с приправами. Полтора часа простояла над мангалом, на заднем дворе. Замешала простоквашу со шпинатом. А помидоры? Разве помидоры где сыщешь? Собралась, поехала на площадь, найти помидоры. Денщику полковника Сарвбала поручила водки купить, чтоб папаша этой девки глотку залил.

Фаезэ сжимала губы в острой горечи, поднимающейся из глубины всего её существа. Мунэс смотрела на подругу округлившимися глазами. Спросила:

– И что потом?

– А что потом, ханум? Я устроила им вторую свадьбу. Девку отправила обратно домой, к брату. А потом, через два месяца, этой стерве взбрело в голову меня отблагодарить. Хотела насолить мне просто. Званный ужин закатали. Мерзавка, взяла наготовила европейских блюд. Несколько ошмётков дублёной кожи бросила на поднос. Говорит, бифштекс это. То есть, мы все ослы, вкуса не имеем. Тогда-то я и поняла, что она войны со мной хочет. Говорю, такую войну тебе покажу – закачаешься.

Мунэс по-прежнему не верилось:

– Парвин никогда не говорила мне, что хочет войны.

– А что она должна была сказать? Что именно? Что хочет утереть мне нос? Сколько себя помню, каждый, кто пробовал готовку Фаезэ, ахал от восторга. А теперь эта королевишна вздумала объявлять мне войну? Сучьему отродью от сути своей никуда не деться. Рождённый волком, волком станет – даже если будет расти рядом с человеком.

– Верно...

– Что ж, я пошла купила кулинарную книгу. Когда умеешь готовить рисовую запеканку, можешь и бифштекс, и автопокрышку. Я всё выучила.

Мунэс сказала:

– Разумеется, выучила. Это проще простого. По радио каждое утро учат готовить европейскую кухню. И мороки с ней меньше.

– Вот и я хотела это же доказать. Устроила ещё один ужин.

– Когда это ты устроила ужин?

– Да вот месяц назад. Всех их пригласила, сказала, будет европейская еда. Пошла в лавку Мирханда, дала пять туманов сверху, взяла восемь кусков филе, по одному на человека. Консервированный горошек купила. Стручковую фасоль купила, помидоры купила, исламбуль-

скую картошку, приготовила фасолевый плов, да ещё салат. Замешала простоквашу со шпинатом. Ханум, такой соус к филе приготовила, что язык проглотишь! Сходила на площадь, купила самые здоровенные персики, да ещё нектарины и черешню с вишней. Денщику полковника Сарвбала поручила водки купить. Водку налила в графин, графин поставила в лёд. А лёд насыпала в мамину хрустальную вазу для фруктов...

Мунэс смотрела на Фаезэ взглядом, полным оваций. Спросила:

– А это зачем?

Фаезэ улыбнулась.

– А чтобы водка холодной оставалась.

– Ну и ну!

– Да, жалко тебя не было, не увидела всего.

– Так чего ты не позвала меня?

– Ну, Амирхан был в Ширазе. Я подумала, ещё посреди ночи тебе придётся возвращаться одной.

– Понятно.

– Ну так вот, ханум. Ели да восторгались. Ели да восторгались. Чуть ли не пальцы уже себе глотали. И всё это время та баба от зависти готова была лопнуть. Как варёная свёкла сидела.

– Парвин?

– Ясное дело. Кто ещё-то? И знаешь, что она тогда сделала?

– Нет.

– Ни с того ни с сего взяла и сморозила: «Фузи джан!» (эта паршивка меня называет «Фузи джан», тяжело ей рот шевельнуть выговорить «Фаезэ»). Говорит: «Фузи джан, дам тебе один совет. На филе соуса не наливают». Ещё такую звонкость в голос вложила, чтоб все соседи в округе услышали.

– Ничего себе.

– Ты представить себе не можешь, что со мной было тогда. Говорю: «Это кто так предписал, интересно, чтоб на филе соуса не наливали?» Говорит, в одной радиопередаче слышала. Я говорю: «А я в книге прочитала». Говорит, она и в книге тоже читала, что не наливают. Говорю, наверняка твоя книга бестолковая. Жалко, что брат влез. Сказал: «Наливаете или не наливаете, всё равно вкусно». Бабёнка прям надулась вся, что брат за меня заступился. Всё надувалась и надувалась, пока ужин не закончился.

Мунэс была так увлечена этой историей, что Фаезэ пришлось растянуть рассказ ещё на какое-то время.

– В общем, так она надувалась и пухла, пока мужчины не пошли на террасу. Сама осталась, якобы помочь мне убрать со стола...

Фаезэ замолчала, её губы дрожали. Она больше не могла сдерживаться. Слезы беззвучно потекли по её щекам.

– Боже мой, ради всего святого, не плачь! – взмолилась Мунэс.

Мунэс тоже плакала. Сквозь всхлипы Фаезэ продолжила:

– И вот эта гадина, убирая со стола, поворачивается ко мне и говорит: «Тот, кто по коридорам липнет к Фети, должен не о готовке беспокоиться, а о своей девственной плеве!»

Слезы лились по всему лицу Фаезэ и скатывались ей на юбку. Мунэс, не отставая от Фаезэ в плаче, смотрела на подругу округлившимися глазами.

– А кто такой Фети? – спросила она.

– Брат Парвин, сукин сын. От дерьма не отличить. Грязь, вылезшая из нужника, ничтожество. И тогда я... Ханум, кровь мне глаза тогда застлала. Сперва подумала, ударить её хорошенько в ухо, так, чтобы перепонка лопнула и она запомнила навсегда. Жалко, что мой братец был там. Потом подумала, раз она меня изводит, я тоже её поизвожу. Говорю: «Во-первых, тот,

кто по коридорам с твоим братом обжимается, не иначе как сам ангел смерти Азраил, потому что с позёрством твоего брата, разве что Азраил его в углу зажмёт. Во-вторых, девственность, не плева, а дырка. Твоих щенков выплодила, а до сих пор не знаешь, что девственность – дырка, а не плёнка. А ещё про других сплетни разводишь...»

Мунэс больше не плакала. Только пристально смотрела Фаезэ в лицо.

Фаезэ продолжала:

– Говорю, ещё раз откроешь свой поганый рот и скажешь что-то подобное, искромсаю тебя так, что будет не одна Парвин, а сто Парвин. Хорошо ещё, мерзавка боится моего брата. Он-то рядом околачивался. Вот и заткнулась.

Мунэс молча разглядывала цветы на ковре. Фаезэ, вытирая слёзы, настороженно следила за выражением лица подруги. Злость в Фаезэ не унималась:

– Я знаю, что Парвин змея, которая, пока не ужалит, в покое не оставит. Вот зарядилась на меня наговаривать. А мне что с того? Добрая совесть клеветы не боится. Так она разозлила меня, что я даже хотела пойти к ханум Махджебин, медсправку взять, что я девственница, и в рамке повесить на стену у себя в комнате, чтоб гадина от зависти своей задохнулась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.